

**РОЛЬ ОРИЕНТАЛИЗМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА
ВОСТОЧНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. С. ПУШКИНА
«ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ»**

Н. Дж. Абделькарем

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 ноября 2013 г.

Аннотация: *Статья посвящена формированию образа восточной женщины через ориентальную лексику в путевых очерках А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум». В статье рассматривается также содержание термина «ориентализм» и его соотношение с термином «заимствование». Многие слова анализируются впервые. Показательно, что ряд ориентализмов отражают культуру и традицию восточного народа, которые пришли в русский язык, например: гарем, харем, чадра.*

Ключевые слова: *А. С. Пушкин, заимствование, ориентализм, женщина, чадра, гарем, харем.*

Abstract: *The article is devoted to the formation of the image of the oriental woman through oriental language in travel sketches by A. S. Pushkin "Journey to Erzerum." The article studies the term "orientalism" and its relation to the term "borrowing". Many words are analyzed for the first time. It is significant that a number of orientalisms reflect the culture and tradition of the people of the East that came to the Russian language, for example: harem, Harem, the chadar.*

Key words: *A. S. Pushkin, borrowing, orientalism, woman, chadar, harem.*

Заимствования, используемые А.С. Пушкиным, в основном – ориентализмы. Именно они выявляют определённые тенденции в той или иной культурной традиции (литература, живопись, исторические и этнографические концепции и т. д.), опирающейся по ряду признаков на экзотические относительно самой этой традиции особенности, свойственные восточному мировоззрению в тех или иных его формах.

В европейской науке понятие «ориентализм» изначально было связано с востоковедением и увлечением Востоком в художественной культуре. В настоящее время под ним понимают также отличительные черты «Востока» по отношению к «Западу», способ мышления, способ описания, необходимые Западу, с одной стороны, для культурного конструирования Востока и обретения власти над ним, а с другой стороны – для формирования собственной идентичности через противопоставление себя восточному «другому». Основой для такого подхода к понятию «ориентализм» в современной научной мысли стала концепция «ориентализм» американского ученого Э.В. Сайда [5].

В настоящей статье предпринимается попытка оценить роль заимствованных единиц в создании литературного портрета женщин, которых А.С. Пушкин описывает в очерках «Путешествие в Арзрум». Это вполне объяснимо, так как путь рассказчика

пролегает через местность, населенную мусульманскими народностями.

Первой автору на пути его следования в сторону Кавказа встречается молодая *калмычка*. Пушкин посвящает большую часть текста описанию быта и нравов женщины-кочевницы: «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился... Молодая *калмычка*, собою очень недурная, шила, куря табак» [4].

Калмыки, калмык, калмычка – монгольская народность, составляющая основное население Калмыкии, общей численностью около 167 тыс. чел. [7, 174-175].

Вполне ожидаемо, помимо описательных средств (например, характеристика «экзотического» варева в котле) и метафорически образных элементов («степная Цирцея») автор использует заимствованные единицы, такие как «кибитка», для более точного описания среды, в которой живет героиня.

Слово «кибитка» [тат. kibet – лавка, магазинчик, от араб. kubbat – свод, купол]. 1. Крытая повозка. Верх экипажа из кожи или ткани, натянутой на дугах (устар.). 2. Легкое переносное жилище у кочевых пародов [8], наряду с «портками» и гадким напитком из котла характеризует простоту быта калмычки и непритязательность ее привычек. «Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из *кибитки* и поехал от степной Цирцеи» [4].

Описание условий жизни кавказских народностей А.С. Пушкин дает правдиво и безыскусно: «По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут *лезгинку*» [4].

Здесь в тексте также попадает ориентализм «лезгинка», означающий народный танец горских народов Кавказа [9]. Однако таким же словом обозначается и лезгинская женщина [7, 184-185].

Как видно из описания Пушкина, простота и бедность кавказских женщин сочетается с определенной свободой, которой они обладали в мире тамошних мужчин. Согласно тексту, любой путешественник в этих краях мог оценить красоту и изящество местных женщин во время танца. В тексте можно найти подтверждение этому: «*Осетинцы* самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам» [4].

Залогом некоторой самостоятельности женщин является тяжелая работа и забота о муже: «У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*» [4].

Чадра в настоящее время используется как ритуальная женская одежда для молитвы в странах Востока. Лексикографические источники дают такое определение: *чадра* (тюрк.) – легкое женское покрывало у мусульман, закрывающее фигуру с головы до ног. Надевается при выходе из дома [9].

По описанию кавказских женщин читатель может заметить, что женщина живет интересами мужа, и это естественно для мусульманки, но при этом соблюдение обычаев носит внешний и поверхностный характер.

Далее рассказчик попадает в баню и эпизод в женской бане сильно удивляет как автора, так и, возможно, читателей: «При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе не одетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. <...> Появление мужчин не произвело никакого впечатления. Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрой*; ни одна не перестала раздеваться. Казалось, я вошел невидимкой» [4].

Читатель может сделать вывод, что скрывание лица под *чадрой* (а это слово снова помогает автору в создании литературного портрета) является ритуальным и обязательным «на публике», однако давно перестало означать стыдливость или служить признаком боязни посторонних.

Слово «*чадра*» встречается у Пушкина в разных контекстах и является атрибутом одежды женщин

различных народностей: «Дорога шла горами и лесом. Я встретил путешествующих татар; между ими было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в *чадры*; видны были у них только глаза да каблуки» [4].

Простоту и беспорядок быта на Кавказе передает и другое описание:

«В самом деле, я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в *саклю* и вынесла мне сыру и молока» [4].

Если одежду горских женщин можно было просто обозначить как «лохмотья», то Пушкин придает особое значение описанию жилища, и поэтому употребляет ориентализм «сакля» (сакля (от груз. сахли – дом) – каменное, глинобитное или саманное жилище горцев Кавказа) [9].

Из определения становится понятно, что такой дом дает почувствовать «спартанские» условия жизни местных женщин и их семей.

Далее повествование перемещается в районы, заселенные турками. И автор дает возможность читателю наблюдать за местным семейным укладом и жизнью женщины в турецкой семье: «В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин». Складывается впечатление, что положение женщины в турецкой семье более закрепощенное, судя по целованию руки у постороннего мужчины, а также по беспрекословному подчинению приказам мужчины.

В финальной части повести встречается описание мусульманской семьи, точнее – жен захваченного в плен паши. Жилище, где они содержатся, обозначено в повести словом «*харем, гарем*» *Харем* – арабское слово, которое означает *женские члены семьи* (мать, жена и взрослые сестры и дочери), *гарем* – арабское слово, которое значит *женская часть дома*, в которую запрещено входить посторонним мужчинам, в собирательном смысле – *жены и наложницы хозяина дома* [9].

Узнать, как «сидят» жены в арзрумском гареме, помог случай. Взятый в плен паша забеспокоился о судьбе жен своего гарема, и русский офицер в сопровождении рассказчика вызвался убедиться, что с ними все в порядке.

Выяснилось, что гарем действительно охраняется: «Старик (сторож), в знак негодования, защелкал языком и объявил, что никак не может согласиться на наше требование и что если паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему, старику, и всем служителям гарема велит отрубить голову». Казалось бы, он подтверждает мысль о недоступности гарема. Но спустя недолгое время выяснилось, что препят-

ствие в виде сторожа преодолимо: «Я между тем, глядя около себя, увидел вдруг над самой дверью круглое окошко и в этом круглом окошке пять или шесть круглых голов с черными любопытными глазами. Я хотел было сообщить о своем открытии г. А., но головки закивали, замигали, и несколько пальчиков стали мне грозить, давая знать, чтоб я молчал. <...>

Таким образом, видел я *харем*: это удалось редкому европейцу» [4].

Употребление А.С. Пушкиным арабского наименования «харем» в неассимилированном виде, близком к иноязычному вкраплению, помогает передать правдоподобную картину реального, а не поэтизированного быта мусульманских жен в богатом доме.

В качестве вывода можно отметить, что ориентализмы в «Путешествии в Арзрум» помогают автору в создании литературного портрета персонажей, в частности, женщин различных народностей. Использование их в виде ассимилированных заимствований (кибитка), иноязычных вкраплений, а также заимствований, подвергшихся лишь частичной ассимиляции, вносит в повествование неповторимый национальный колорит, воссоздает достоверную картину быта и нравов героев и героинь повести. Уникальную этнографическую ценность представляют картины быта мусульманских женщин, позволяющие понять их характер, отношение к мужу и мусульманским обычаям.

*Воронежский государственный университет
Абделькарем Н. Дж., аспирант кафедры славянской
филологии
E-mail: nabil_jamil2003@yahoo.com*

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирова С. В. Роль заимствований в создании литературного портрета персонажей / С. В. Владимирова, Н. В. Костоломова // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 1–3.
2. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. Заведений / Л. П. Крысин. – М. : Академия, 2007. – 240 с.
3. Малетина О. А. Лингвостилистические средства создания портрета / О. А. Малетина // Актуальные вопросы лингвистики в работах молодых ученых. Материалы научной сессии факультета лингвистики и межкультурной коммуникации ВолГУ (апрель 2003). – Вып. 2. – Волгоград : Изд-во «Волгоград», 2004. – С. 69–72.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. / А. С. Пушкин. – Т. 8. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
5. Сайд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Сайд. – СПб. : Русский Мир, 2006. – 637 с.
6. Щитова О. Г. Функциональная природа иноязычных средств в художественном тексте / О. Г. Щитова, Л. Т. Некрасова // Художественный текст и языковая личность : проблемы изучения и обучения. – Томск, 2001. – С. 120–127.
7. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж, ВМИОН, 2003. – 236 с.
8. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2006. – 669 с.
9. Хеффе О. Энциклопедический словарь / О. Хеффе, В. С. Малахов. – М. : Культурная Революция, 2009. – С. 392.

*Voronezh State University
Abdelkarem N. J., Post-graduate Student of the Slavonic
Philology Department
E-mail: nabil_jamil2003@yahoo.com*